

минаніе, имъ онъ живетъ въ людяхъ, въ человѣчествѣ. Надо правду сказать, что это воспоминаніе уже очень слабо въ третьемъ поколѣніи, а въ четвертомъ и вовсе исчезаетъ. Мы очень мало знаемъ, какъ жили наши прадѣды, что они дѣлали, кого любили? Но положимъ, тѣмъ не менѣе, что человѣкъ вполне сознательно усвоилъ «истинное разумѣніе жизни» и жилъ по этому ученію. Онъ жилъ въ любви и добрѣ, и его поминаютъ добромъ. Его любовь согрѣваетъ и наставляетъ тѣхъ, кого онъ оставилъ. Но другой могъ и не жить въ добрѣ и любви, и онъ только тѣшилъ свое *я* всякими дѣлами насилія и неправды. Его также поминаютъ, и повѣствованіе о его дѣлахъ переходитъ не въ одно поколѣніе. Третій жилъ такъ, что однихъ онъ любилъ, а другихъ ненавидѣлъ; однимъ дѣлалъ всякое добро, а другимъ всякое зло, и поминаютъ его одни — добромъ, а другіе — зломъ. Четвертый никакого слѣда по себѣ не оставилъ; онъ жилъ изо дня въ день, съ грѣхомъ пополамъ, болѣе всего заботясь о насущномъ хлѣбѣ. Котораго же изъ нихъ надѣлать графъ Толстой безсмертіемъ?

Но что сказать о томъ человѣкѣ, который, возгораясь истиннымъ «разумѣніемъ жизни», захотѣлъ вступить въ новую жизнь и родиться духомъ? Всѣ стремленія своей животной личности онъ захотѣлъ подчинить высшимъ требованіямъ любви и разума. И эта высокая цѣль имъ достигнута. Въ тиши и без-